

И.Ф. ДЕВЯТКО

доктор социологических наук,

Государственный университет – Высшая школа экономики,

Институт социологии РАН

В первой половине 90-х послереформенный товарный голод, постепенное укрепление рубля, делавшее производство товаров невыгодным в сравнении с их импортом, а также временная неопределенность таможенных (и многих других) административных правил на постсоветской территории подтолкнули изрядное количество бывших бюджетников к занятию сверхдоходным беспошлинным ввозом и мелкооптовой торговлей промышленными товарами¹. Норма прибыли по отдельным товарным группам была стопроцентной, характер распространения «челночной» бизнес-модели — явно миметическим (подражательным), входные барьеры для новичков — небольшими (получение загранпаспорта, покупка билетов в Польшу, Турцию или, позднее, в другие страны, накопление или заимствование стартового капитала в разрешенном к вывозу размере от одной до пяти тысяч долларов). Количество вовлечённых в челночный бизнес увеличивалось экспоненциально, пока возросшая конкуренция, появление корпоративных игроков и изменившаяся не без влияния названных факторов экономико-правовая макроситуация сделали исходную модель невыгодной для большинства индивидуальных участников².

¹ Следует заметить, что сама по себе эта форма индивидуального предпринимательства не носила характера организационной новации: уже в начале 1980-х гг. в ряде западных и северо-западных регионов СССР существовали полуофициальные вещевые рынки, на которых пользовавшееся преимуществами упрощённого визового режима местное население и приезжие из сопредельных социалистических стран (в основном из Польши, Венгрии) вели беспошлинную розничную торговлю ввозившимися «для личного потребления» промтоварами.

² Реагируя на черновую версию этого комментария, Владимир Александрович Ядов ещё раз обратил моё внимание на то, что челноки 90-х «действовали не инстинктивно, а сознательно, находили рыночные решения, лавировали в лабиринтах законодательства, знали, где и кого и чем подкупить» [письмо от 18.03.2009]. Я с этим ни в малой мере не спорю, о чём свидетельствует и вышеприведённое утверждение относительно принявшихся на индивидуальном уровне решений прекратить ставший невыгодным бизнес. Расхождение наших позиций, если оно вообще имеет место, скорее можно связать с различной трактовкой причинного статуса субъективных мнений, желаний, устремлений (и других интенциональных состояний) индивидуальных акторов применительно к объяснению макрособытий. Далее в этом комментарии ставится под вопрос возможность объяснительной редукции «без разрывов» — от макро- до микро-

В эту картину можно внести множество интересных уточнений и дополнений, но ничто, на первый взгляд, не подталкивает нас увидеть в ней подтверждение правоты активистской парадигмы или преимуществ микросоциологического подхода. Во всяком случае, специфически субъектный вклад «челноков» в изменение экономических условий здесь прослеживается не в большей и не в меньшей мере, чем вклад индивидуальных членов колонии бродячих лесных муравьёв в создание сложной мостовой конструкции, обеспечивающей продвижение сородичей сквозь труднопроходимые участки, или состоящего из муравьиных тел гигантского защитного кокона для личинок. Вклад отдельного индивидуума в агрегированный результат беспорен, однако 1) заменим, 2) не является критическим (неучастие одного муравья едва ли приведёт к провалу всего предприятия) и, 3) без большой натяжки, может рассматриваться как непреднамеренный и не требующий интенциональных оснований действия макроэффект микроповедения. Более того, можно уверенно предсказывать, что именно те индивидуумы, вклады которых в изменение глобальной ситуации были решающими, в большинстве случаев не окажутся в самой привилегированной позиции в результате этого изменения (это обстоятельство зафиксировано в популярном афоризме относительно различия между теми, кто задумывает революции, и теми, кто пользуется их плодами).

Однако с какой-то иной и довольно продуктивной точки зрения, живой мост или временный муравейник — социальная конструкция муравьёв, а свободный рынок — результат творческой деятельности самых активных «челноков». В некоторых ситуациях наличие порогового количества просоциально (или даже альтруистически) настроенных индивидов оказывается решающим фактором для возникновения макроэффектов, да и случающееся время от времени возникновение новых форм поведения или пищевых стратегий может быть «приписано» отдельным муравьям-акторам (даже если этот результат не был ни преднамеренным, ни с необходимостью связанным с отдельным персонажем).

Можно ли в таком случае описать макроэффекты как полностью сводимые к микроповедению? Можно ли, иначе говоря, подвергнуть макропроцессы *объяснительной редукции* к микроуровню?

уровневых описаний социальных изменений. Оговорюсь сразу же, что я не имею в виду под редукцией какое-то злонамеренное упрощение реальной картины, отрицание автономии социальных наук и/или их возможности объяснить социальную реальность. Под объяснительной редукцией (в отличие от более узко понимаемой теоретической редукции, то есть демонстрации того, что из теории—1 логически выводится теория—2) здесь понимается способность последовательно каузально вывести механизмы, признаки или отдельные факты более высокого уровня из механизмов, признаков или фактов более низкого уровня.

Мой ответ будет отрицательным не только потому, что трактовка намерений, желаний, рутинных практик или субъективной перспективы отдельного действующего как конечной и далее неделимой и нередуцируемой единицы социологического анализа обладает не большим правдоподобием и интуитивной привлекательностью, чем трактовка этих же желаний, убеждений и субъективных смыслов в качестве того, что, собственно, и требует объяснения с точки зрения надличных реальностей общества, эпохи, культуры или, если угодно, дискурса.

Ответ отрицателен потому, что в текущих координатах действующего, даже очень пронизательного и умного, категоризация причин, следствий, действий и событий всегда будет выглядеть как хаотичное сцепление осознанных и неосознанных намерений и обстоятельств с преднамеренными и непреднамеренными, предполагаемыми или неожиданными последствиями. То есть как запутанный клубок, нетривиальный (то есть не поддающийся последовательному развязыванию) топологический узел, состоящий из переплетающихся фрагментов «нерелевантного с точки зрения долговременных и касающихся большого круга лиц последствий, но ошибочно принимаемого за важное», и «релевантного, но не с той точки зрения, которая доступна действующему здесь и сейчас» с небольшими вкраплениями «судьбоносного и своевременного, распознанного в качестве такового».

Хочу заметить, что последний компонент клубка особенно значим и по метафизическим, и по психологическим причинам: именно индивидуальная одарённость в умении распознать переломный момент отличает тех личностей, которые умеют не только «попадать в историю» с маленькой или большой буквы, но и подталкивать исторические изменения. В ходе краткой, но содержательной полемики по проблеме объяснительной редукции В.А. Ядов привёл, помимо других аргументов (и в совершенно ином контексте), убедительный пример такой одарённости, который я позволю себе использовать здесь в *собственных* целях. Ещё находясь на описанной в его статье стажировке в Лондоне, он предпринял экстраординарные усилия для того, чтобы убедить соавтора по уже практически готовой книге (А.Г. Здравомыслова) в необходимости существенной переделки, направленной на усиление её «дидактического», обучающего компонента: «Надо написать так, чтобы она стала учебником. Почему? Только потому, что понимал, насколько мы неграмотны. Я же понимал, что железный занавес уже опускается вновь (Хрущева убрали, когда я был в Лондоне). Мы, стажеры, собирались по возвращении два раза. Было 25 стажеров, приходили человек 15. Достоверно не скажу, но знаю, что из 15 человек пятеро стали крупными учеными (психофизиолог Борис — академик)».

Какой вывод можно сделать из всего сказанного?

Никаких макро-микро дилемм в социологии не существует. Существуют лишь — воспользуемся популярной в когнитивной науке моделью (предложенной её классиком Дэвидом Марром³), — разные **уровни описания и объяснения:**

– уровень задачи (социетальной функции, макроэффекта, который должен быть достигнут, нормативного принципа и реализующего его институционально-ролевого комплекса и т. п.);

– алгоритмический уровень, описывающий последовательность причинных процессов, которая приводит к исполнению задания (различные причинные процессы могут приводить к одному результату, то есть задачи могут реализовываться разными, хотя и «эквививальными» цепочками причин и следствий);

– и, наконец, уровень исполнения, на котором можно показать, каким именно образом отдельные акторы преднамеренно или непреднамеренно, в результате индивидуального социального действия или в ходе порождающего «реляционные» эффекты ситуативного взаимодействия нескольких акторов задействуют причинные процессы, служат для них носителями, сознательными исполнителями или ключевыми элементами.

Автор текста, которому посвящён этот почтительный и краткий комментарий, непреднамеренно (во всяком случае, таково моё впечатление) предложил яркую биографическую иллюстрацию к тезису о необходимости преодоления методологических и теоретических дилемм (микро- и макро-, деятельность – структура, количественный – качественный и т. п.). Получив, в силу довольно случайной констелляции макрообстоятельств (налаживание туннельных научных коммуникаций в «железном занавесе» эпохи холодной войны) и микроситуации (принадлежность к группе молодых учёных, пользовавшихся симпатией ректора ЛГУ), доступ к носителям британской традиции социальной мысли, Владимир Александрович так или иначе активно уклонился от раннего знакомства с британской антропологией и этнографией (то есть с тем, что он сейчас предпочитает обобщённо именовать «феноменологией»), сконцентрировавшись на изучении социологической методологии и психологии социальных групп. Замечательными и лишь ретроспективно предсказуемыми⁴ результатами этого судьбоносного выбора на «уровне исполнения» стали учебник по методам социологического исследования, по которому

³ *Marr D.C. Vision: A computational investigation into the human representation and processing of visual information. New York: Freeman, 1982. P. 24–27.*

⁴ Во всяком случае, для наблюдателей, не обладающих выраженной исторической интуицией, «слухом» на масштабные социетальные сдвиги.

последовательно учились все поколения российских и постсоветских социологов (не исключая и автора этого комментария), а также диспозиционная концепция регуляции социального поведения личности. Утверждение, что данный учебник или концепция могли бы быть созданы другим актором, оказавшимся в это время и на этом месте — нефальсифицируемое, контрфактуальное, а главное — абсолютно неправдоподобное. Однако предсказывать в 1962 году, *кто именно* из N>1 молодых участников научных обменов, всё это создаст — авантюра даже с последовательно активистской позиции. У учебников и концепций, с позиций исторического повествования, есть авторы. Применительно к логике развития геополитических игр и внутриполитических инновационных циклов говорить об авторстве бессмысленно (если не пытаться выдать за оригинальную точку зрения то очевидное обстоятельство, что для реализации тех или иных социально-исторических миссий безличные механизмы отбора задействуют индивидуальных акторов, обладающих подходящим набором параметров, в том числе, уникальными способностями, исторической интуицией и умением «запускать» социальные изменения). И, кстати, одно из наилучших известных мне объяснений того, как осуществляется этот «персональный отбор» на уровне исполнения (см. выше) — диспозиционная концепция личности В.А. Ядова, в соответствии с которой ключевым параметром отбора оказываются высшие, просоциальные потребности конкретной личности.

Однако роль ситуативных «фильтров» или механизмов подстройки играют ситуативные установки. (Те самые, которые подталкивают нас, например, к принятию решения согласиться на смену пункта назначения ради товарища или выбрать чем-то более симпатичного и интересного научного куратора.) Желание или нежелание заниматься антропологией, добровольные «перемены участи» и склонность самостоятельно штудировать малознакомые исследовательские области — всё это ситуативно определяемые значения параметров, по отношению к которым макрорезультаты, подобные вышеупомянутой институционализации социологической методологии как исследовательской области в СССР, являются *ретроспективно детерминированными*. Но с актуально заданной «точки зрения действующего в момент действия» они остаются абсолютно непреднамеренными⁵ и, в большинстве случаев, непредсказуемыми. Для отдельного актора жизнь «здесь и сейчас» — это цветущий и многосложный творческий хаос, который просто не позволяет увидеть ни общий замысел шахматной партии, ни положение всех фигур, ни ситуацию эндшпиля. (Как заметил однажды в контексте более

⁵ За исключением существенной оговорки относительно исторической интуиции и «слуха», сделанной мною выше под влиянием критики, предложенной В.А. Ядовым.

фундаментального обсуждения Г.С. Батыгин, книга всех дебютов и эндшпилей доступна лишь Тому, кто является исходной и финальной причиной нашей способности быть свободными действующими⁶). Лишь реконструируя цепочку исторически определённых причин и следствий в момент t_2 , мы видим абсолютную сюжетную оправданность и неотменяемую сценарную логику того, что в отстоящий от нас на существенное количество лет момент t_1 выглядело, с точки зрения большинства из нас, произвольным и почти случайным выбором, избеганием выбора или даже преднамеренной пассивностью.

Должны ли мы воспринимать ограниченность нашей актуальной точки зрения, «личного взгляда», на отдалённые и надличные последствия своих действий как угрозу автономии и ответственности действующего? Некоторые философские и этические доктрины предполагают утвердительный ответ на этот вопрос. Однако приводимый З. Фрейдом в «Остроумии и его отношении к бессознательному» анекдот косвенно указывает на возможность найти и светлую сторону в ограниченности нашей способности к предвидению: «В синагоге в Кракове сидит великий раввин N и молится со своими учениками. Внезапно он издает крик и, спрошенный своими озабоченными учениками, говорит: “Только что умер великий раввин L в Лемберге”. Община накладывает траур по умершему. В течение ближайших нескольких дней опрашиваются прибывающие из Лемберга, как умер раввин, чем он был болен, но они ничего не знают об этом, они оставили его в наилучшем самочувствии. Наконец, выясняется вполне определено, что раввин L не умер в тот момент, когда раввин N телепатически почувствовал его смерть, так как он жив еще до сих пор. Иноверец воспользовался удобным случаем, чтобы подтрунить над учеником краковского раввина по поводу этого события. “Большой позор для вашего раввина, что он увидел тогда раввина L умирающим в Лемберге. Этот человек жив еще поныне”. “Это ничего, возражает ученик, взгляд от Кракова до Лемберга был все же великолепен”».

⁶ Батыгин Г.С. Предисловие // Девятко И.Ф. Диагностическая процедура в социологии: очерк истории и теории. М.: Наука, 1993. С. 6.

This document was created with Win2PDF available at <http://www.win2pdf.com>.
The unregistered version of Win2PDF is for evaluation or non-commercial use only.
This page will not be added after purchasing Win2PDF.